

УДК 101.1

Диахронно-синхронический топос бытия человека и проблемы антропологического времени

В.Б. ОКОРОКОВ

Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара,
г.Днепропетровск, Украина
E-mail: okorokov.victor@mail.ru**Авторское резюме**

Исследуется проблема социальной и исторической генерации мифа и времени в концепции К. Леви-Строса. Выдвигается гипотеза о трансляциях человека в диахронно-синхроническом континууме.

В соответствии с логикой мифа развивается любая социальная структура, а соответственно язык, общество и культура. Вкратце суть гипотезы Соссюра-Хайдеггера-Леви-Строса можно выразить так: существует определенное расхождение между пространственно-временным положением «топоса» и диахронно-синхроническим «топосом». Иными словами, синхронический и диахронический срезы бытия данного топологического «образования» являются лишь формами фиксации (или «стабилизации») существования этой топологической структуры в каком-то более сложном многообразии. Тем самым мы можем предположить, что существуют энергии, позволяющие осуществлять трансляции вокруг оси, где совпадают пространственно-временное и диахронно-синхроническое измерения и, соответственно, наблюдать феномен сдвига диахронно-синхронического измерения относительно пространственно-временного. У человека в такой ситуации происходит определенный сдвиг внутри диахронно-синхронического «топоса», что наиболее ярко себя манифестирует в феномене измененного состояния сознания.

Миф, язык, культура и общество есть такого рода фундаментальные «образования», которые имеют структурированный диахронно-синхронический «топос», наличие которого человек может зафиксировать в своем пространственно-временном измерении. Однако изменения, происходящие в каждом из этих «образований», фиксируются психикой и в некоторых особых случаях способны приводить человека в состояния, которые приводят к изменению событийности.

К. Леви-Строс попытался приоткрыть завесу культуры, мифа и языка. Он показал, что однозначное (одномерное) толкование культуры с точки зрения западной (целерациональной) науки ведет к однозначному истолкованию мира, к видимости человеческой гегемонии над природой, к одномерному пониманию человека.

Ключевые слова: диахронно-синхронический топос, пространственно-временной топос, мышление, сознание, человек, трансляция.

Diachronic-synchronic topos of human being and problems of anthropological time

V.B. OKOROKOV

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnepropetrovsk, Ukraine
E-mail: okorokov.victor@mail.ru**Abstract**

We study the problem of social and historical myth and the generation time in the concept of Claude Levi-Strauss. A hypothesis about human translations in diachronic-synchronic continuum.

In accordance with the logic of the myth develops the social body, and accordingly, the language, society and culture. In short, the essence of the hypothesis Saussure-Heidegger-Levi-Strauss can be expressed as follows: there is a certain discrepancy between the space-time position of «topos» and diachronically-synchronic «topos». In other words, the synchronic and diachronic sections being given topological «education» are the only forms of fixation (or «stabilization») for the existence of topological structure in a more complex manifold. Thus, we can assume that there are energies that enable the transmission axis, where the same spatial-temporal and diachronically-synchronic dimension, and thus to observe the phenomenon of a shift diachronically-synchronic measurements in relation to the space-time. A person in such a situation, there is a definite shift in diachronically-synchronic «topos», which manifests itself most clearly in the phenomenon of altered states of consciousness.

Myth, language, culture and society have such a fundamental «education», which are structured diachronically-synchronic «topos», the presence of which a person can be fixed in its spatial and temporal dimension. However, the changes that occur in each of these «entities» are recorded psyche and in some special cases, can lead a person in conditions which lead to a change in eventness.

Claude Levi-Strauss tried to lift the veil of culture, myth and language. He showed that a single-valued (one-dimensional) interpretation of culture from the point of view of Western science leads to an unambiguous interpretation of the world, to the sight of human hegemony over nature, the one-dimensional understanding of man.

Keywords: diachronic-synchronic topos, spatial and time topos, thinking, consciousness, the person, translation.

© В.Б. Окороков, 2013

В соответствии с логикой мифа, оформленной в систему К. Леви-Стросом [3–8], можно выстроить большинство наук (об этом мы писали в статьях, написанных ранее). Но в соответствии с этой глубинной логикой существует и развивается любая социальная структура. Таким образом, уже в первом приближении видно, что по этой логике размечены язык, общество и культура. Более того, на основе этой логики, идущей из архаики, может генерировать и человеческая психика, но что, вероятно, важнее всего, по этой логике может оказаться выстроенным и само время и бытие, если взглянуть на открывшуюся проблему с точки зрения принципов синхронии и диахронии Ф. де Соссюра [13] и реконструировать в таком аспекте экзистенциальное учение М. Хайдеггера. Новое измерение, раскрывшееся еще в древних мифах, находит свое выражение и в дискурсивной теории Ж. Лакана: бессознательное структурировано как язык [6], то есть, фактически, по той же самой логике мифа.

Общая реконструкция учений Ф. де Соссюра [13], М. Хайдеггера [14–16] и К. Леви-Строса [7–12] приводит нас к одному интересному результату, который можно назвать гипотезой (условно его можно назвать гипотезой Соссюра-Хайдеггера-Леви-Строса). Если попытаться уточнить, что это за особая (незримая) логика мифа, на поверхности которой выстраиваются не только структурные метки бытия мифа, но и структурные формы бытия языка, психики человека и общества, а возможно (ведь это гипотеза) и всех материальных образований, то ответ может оказаться неожиданным.

Речь идет о сущности пространственно-временного положения «топоса» и его расхождения с другим измерением, которое (с учетом его привязки к мышлению и психике) лучше назвать диахронно-синхроническим (диахронно-синхроническим «топосом»).

Представим себе некий абстрактный или реально фиксированный топос (аристотелевское место), фиксирующий бытие определенного структурного образования, в качестве которого можно выбрать миф, язык, культуру, человека, общество и т. д., словом все то, что имеет трансляцию во времени и свою историю, структурированную во времени. Мы предполагаем, что синхронический и диахронический срезы бытия данного топологического «образования» являются лишь формами фиксации (или «стабилизации») существования этой топологической структуры в каком-то более сложном многообразии (большего числа измерений, чем наш привычный трехмерный мир, расположенный во времени).

Если в таком диахронно-синхроническом «топосе» провести условную ось, по которой пересекаются синхронический и диахронический срезы бытия «образования», то не можем ли мы

предположить, что существуют какие-то механизмы, которые попросту фиксируют устойчивость бытия «топоса» (относительно этой оси) и связаны с инвариантностью трансляций вокруг нее в некотором измерении, позволяющем жестко фиксировать все трансляции (возможно, это касается и трансляций самой оси). Итак, в определенном приближении фиксация устойчивости этой оси характеризует устойчивость бытия «образования» (в пространственно-временном континууме). Эта устойчивость связана с фиксацией оси относительно лю-бого из указанных «топосов».

Но в таком случае нельзя ли предположить, что существуют энергии, позволяющие осуществлять трансляции вокруг исследуемой оси (которая в том месте, где совпадают пространственно-временное и диахронно-синхроническое измерения, жестко фиксирована). В этом случае мы сможем наблюдать феномен сдвига диахронно-синхронического измерения относительно пространственно-временного.

Если предположить, что энергия является достаточной для такого рода сдвигов, то может произойти поворот вокруг незримой оси, зафиксированной первоначально только на психическом уровне (как своеобразный гироскоп, позволяющий человеку быть устойчивым в диахронно-синхроническом измерении).

В таком случае оказывается, что при повороте, скажем, на девяносто градусов, синхроническое и диахроническое измерения «топоса» могут поменяться местами, и там, где раньше было пространственное измерение, окажется временное (и наоборот, место временного занимает пространственное). Еще раз повторяюсь, что диахронно-синхроническое измерение фиксируется только нашей психикой и четко (как компас) показывают его направленность и локализацию относительно пространственно-временного «топоса».

Однако при таких трансляциях (при такого рода поворотах) для самого «топоса» (человека) (с точки зрения его внутреннего состояния) практически ничего не меняется. В этом смысле для человека (как целостной конструкции) ничего критического не происходит, лишь осуществится подвижка его внутреннего «топоса» в пространственно-временном измерении. Но само «образование» (например, человек) в результате такой трансляции, оказавшись в новом состоянии бытия (с измененными пространственно-временными характеристиками), в собственном измерении (на физическом уровне) эту трансляцию не ощутит. Повторюсь, в физическом смысле наличие таких трансляций ничего не запрещает (ведь это только трансляции собственного «топоса»). Здесь тот же эффект, что и у стрелки компаса, фиксирующей направленность бытия магнитного «домена» в пространственно-времен-

ном измерении (относительно внешнего поля). Здесь же фиксируется направленность в другом (внешнем) измерении – в диахронно-синхроническом, то есть фиксируется направленность пространственно-временного бытия «топоса». Точнее говоря, устойчивое пространственно-временное бытие Космоса (для человека как «топоса») строго фиксировано в диахронно-синхроническом пространстве. Чтобы эта устойчивость была нарушена, необходимо разомкнуть пространственно-временное бытие «топоса», например, через вхождение в действие черной дыры или, согласно нашей гипотезы, через создание внутренней психической энергии в психике человека. Отмечу, что с самим Космосом ничего не происходит, а вот человек за счет своих особых свойств может изменять свои пространственно-временные характеристики.

Гипотеза на первый взгляд может показаться абсурдной. Но попробуем применить ее к жизни человека – того особого «топоса» (как писал Хайдеггер), который обладает «пониманием бытия» и имеет психику, мощную структуру, позволяющую варьировать энергию внутренних состояний бытия. Например, что происходит с психикой человека, когда он попадает в ситуацию, которую принято называть «измененное состояние сознания»? В таких изменениях человек, фиксируя произошедшие изменения, понимает, что может запечатлеть в памяти моменты из своего далекого прошлого, т. е. все состояния прошлого бытия, фиксируя структурные моменты (оппозиции) этого бытия в прошлом и настоящем. Он называет их родовыми, структурными или архетипическими (как устойчивыми типами социальности прошлого) формами. Ведь официальная наука так и не научилась толковать эти состояния. Она не понимает, как работают архетипы и как формируется родовая память.

Согласно нашей гипотезе, у человека в такой ситуации происходит определенный сдвиг внутри диахронно-синхронического «топоса», т. е. сдвиг вокруг оси, фиксирующей диахронно-синхроническое состояние человека (этот феномен, видимо, можно также назвать феноменом В. Мессинга). Согласно выдвигаемой гипотезе, такой сдвиг психики человека можно объяснить «внутренними» трансляциями психики, которые можно зафиксировать. Я лишь пытаюсь на основе имеющихся данных о психике человека и философских размышлений З. Фрейда, Ф. де Соссюра, К.-Г. Юнга, М. Хайдеггера, К. Леви-Строса, Ж. Делеза и других структуралистов и постструктуралистов дать возможную версию сущности смещения в диахронно-синхроническом измерении бытия человека, с учетом того, что ничто не запрещает такого рода трансляций, а для самого человека при таких сдвигах ничего не меняется (Космос остается тот же), ведь во всех этих преобразованиях сохраняется его

пространственно-временной «топос» (место). Конечно, пока не ясно, какая энергия может позволить провести такие трансляции, хотя можно предположить, что это значительная психическая энергия. Но такая версия (гипотеза) имеет право на существование уже потому, что она проверяема, ведь происходящие изменения сам человек, или во всяком случае уже имеющиеся приборы, могут зафиксировать, распознать и отразить на страницах своей памяти.

Мы также предполагаем, что миф, язык, культура и общество есть такого рода фундаментальные «образования», которые имеют структурированный диахронно-синхронический «топос», наличие которого человек может зафиксировать в своем пространственно-временном измерении (в своей психике). Каждый человек жестко привязан к своему языку, культуре, структуре общества, имеет свои мифы и т. д. В частности, социальная разновидность единого «топоса», привязывающего человека к его бытию, фиксирует устойчивость его социального существования.

Однако изменения, происходящие в каждом из этих «образований», фиксируются психикой и в некоторых особых случаях способны приводить человека в состояния, которые приводят к изменению событийности. В таких особых состояниях может быть зафиксирован поворот в диахронно-синхронном пространстве, или, точнее, такого рода трансляции совершаются под воздействием психической (а иногда и внешней) энергии.

Гипотеза выдвигается еще и потому, что она позволяет объяснить те маргинальные случаи, которые происходят с людьми в таких особых состояниях, когда высвобождается огромная психическая энергия, – например, под воздействием экстрасенсов, гипнотезеров или, наоборот, людей, погруженных в гипнотические состояния, у которых просыпается иная психика. Я не буду говорить про НЛЮ (о которых писал еще К.-Г. Юнг), о порталах, пространственно-временных разломах, на которые указывают исследователи аномальных явлений, – оставим это на их научной совести. Я говорю лишь о человеке, способном фиксировать и воспроизводить мифы, язык или социальные формы и их трансляции в диахронно-синхроническом измерении, когда ему внезапно открываются состояния, давно сокрытые историей и стертые на уровне *das men*, которые могут вызывать особые необъяснимые с точки зрения науки антропологические изменения.

Важно отметить, что именно К. Леви-Строс, наблюдая особенности поведения современных индейцев, по-своему близким к первобытным людям и к тем проявлениям природы, которые стремились понять древние греки (в виде бытия богов, идей, истин и т. д.), создал концепцию,

объясняющую эти особые проявления сознания в поведении индейцев. Он назвал соответствующую науку, объясняющую эти феномены, структурной антропологией. Позже М. Фуко расширил «топос», обозначивший существование первобытного человека, на уровень современной культуры и сумел описать в рамках структурализма мышление и поведение современного человека. Однако несмотря на его разработки и последующие исследования С. Гроффа, К. Кастанеды, Р. Генона, постмодернистов, проблема глубинного прояснения сущности природы человека все еще остается закрытой. Для того чтобы как-то объяснить представления об этой внутренней, сокрытой, глубинной природе человека, связанной с бессознательным, измененным состоянием сознания, и «проявлениями души» и психики (какой из терминов ближе для описания антропологических глубин человека покажет время), и выдвигается данная гипотеза. Чтобы прислушаться к тому, как эта гипотеза может работать в концепции Леви-Строса, мы попытаемся прояснить его идеи на ее основе.

К. Леви-Строс вплотную подводит нас к тому моменту культуры, за которым открывается невидимая сторона сущности мира, древо жизни (как сказал бы Г. Сковорода). Французский ученый (в том же смысле, что и М. Хайдеггер) попытался приоткрыть завесу культуры, мифа и языка. Исходя из похожих посылок, древние индусы утверждали, что реальная сущность мира скрывается от нас майей (завесой знания), и прежде, чем приоткрыть эту завесу, необходимо выйти за пределы разумного истолкования мира (но в таких изменениях начинаются трудности, схожие с безумием или утратой опоры на разум, что и означает, на языке современного психоанализа, соскальзывание в те бездны психики, где человек находится в состоянии неопределенности, беспочвенности). Этому учат нас представители восточной культуры, которые уверены, что знают сущность запредельных антропологических состояний. Восточная культура, по сути, описывает тот же «топос», в котором раскрываются Эдипов комплекс и архетипы и где, с точки зрения упрощенного взгляда западной культуры, властвуют мифы. В таком контексте мифология Европы мало чем отличается от мифологии Востока (восточной философии и религии). Однако западная философия и наука приписывают свое понимание мифа его особому прочтению на уровне разума, т. е. тому, что открывается взгляду на него с позиций аристотелевской логики (из того места, где начинает работать логика рассудка). По большому счету, М. Вебер, М. Хоркхаймер и Т. Адорно, а вслед за ними и Г. Маркузе прямо указывали на то, что однозначное (одномерное) толкование культуры с точки зрения западной (целерацио-

нальной) науки ведет к однозначному истолкованию мира, к видимости человеческой гегемонии над природой, к одномерному пониманию человека. Восточная традиция изначально отрицает такой подход.

Отмечу здесь, что особенности мировоззрения человека той или иной культуры влияют на его возможности раскрытия проявлений скрытых энергий. В какой-то мере это пытались растолковать нам структуралисты; именно по этому принципу Ф. де Соссюр выстраивает свою историю и логику языка. Европейское мышление говорит нам о том, что разум выстраивает все события по принципу достаточного основания, то есть необходимости. Европейский разум как бы выстраивает все феномены в плоскости их наблюдения, по мере их наблюдения, и фиксирует их как законы природы и сознания, – в таком виде человеку открывается настоящее. Но в таком состоянии он уже не фиксирует прошлого (буквально по Августину, так как прошлого в настоящем уже нет – его лишь удерживает память) и еще не знает будущего. Только объединение всех трех модусов существования делает человека понимающим и мыслящим. Таким образом, внутри человеческой психики есть механизмы, позволяющие производить корреляцию этих трех модусов (условно, в соответствии с феноменологией Э. Гуссерля, их можно назвать сознанием – последней феноменологической данностью). Об этом Э. Гуссерль писал в работе «Феноменология внутреннего сознания времени», а до него Ф. Brentano; но об этих механизмах проявления психики знают все музыканты.

Представители науки уверены, что законы строго выполняются – об этом свидетельствует опыт. Но ведь важнейшим свойством опыта является его принадлежность настоящему, точнее, полная уверенность человека, что настоящее всегда адекватно прошлому и нет никаких законов, нарушающих эту адекватность как причинно-следственную связь.

Опыт всегда принадлежит настоящему, т. е. тому «топосу», в котором может быть проведен и всегда проводился опыт. Однако западный человек, уверенный в абсолютности законов «логоса» (и в полной причинно-следственной соизмеримости всех трех модусов), стремится за счет механизмов сознания, усилий разума, рациональности и логики расширить свое влияние на прошлое и будущее.

Тем не менее, есть и другая точка зрения. Как утверждает Н. А. Бутилов со ссылкой на К. Леви-Строса: «Каждое явление культуры содержит в себе два слоя информации: поверхностную информацию, которую люди осознают, и глубинную, остающуюся ими неосознанной» [2, с. 434]. Однако главный слой – это глубинный, бессознательный слой. Из глубин культуры (и психики) рождаются бессознательные

потоки, которые формируют единство языка и сознания. Наблюдая за сознанием непосредственно из настоящего, мы не можем, в соответствии со структурной антропологией, говорить о ясности понимания сознания в прошлом (точнее, можно говорить о нем только вследствие того, что нам раскрываются особенности памяти, насколько верно и точно она может удержать прошлое). И тогда речь идет уже не о точном понимании прошлого, а о способности памяти помнить прошлое, то есть, скорее, об устойчивости человеческой психики.

Обобщающий принцип расширения сознания на всю предшествующую историю был назван в философии разумом, а в античности он назывался логосом. Поэтому логос – это то псевдорасширение сознания (и всяких разумных построений в мире), которое распространяет на прошлое и будущее все принципы бытия сознания в настоящем (на этой границе сознание превращается в разум, тут формируется сфера существования метафизики и логики). В этом смысле метафизика и логика – явления однопорядковые и были введены в научной форме Аристотелем практически одновременно. Те механизмы, которые переносили логос на будущее – предопределение, свобода, фатум и т. п., греки додумывали сами и приписали их также сфере существования метафизики (или сфере перенесения логических принципов на понимание будущего). В этом случае сфера бытия «логоса» сводится к следующему: логика в этой сфере – царица настоящего, а метафизика формирует принципы и границы ее расширения на прошлое и будущее. В этих границах пребывает разум, и поэтому все науки, буквально по Аристотелю, имеют те же истоки, что и метафизика. Здесь же работает наука о считывании идеальных форм – математика.

Парадокс такой ситуации, исходя из предложенной гипотезы, состоит в том, что настоящее так же недостижимо как прошлое и будущее. Ибо тому месту («топосу»), где оно (настоящее) может быть распознано (считано), принадлежит ось пересечения диахронного и синхронического измерений (ведь мы помним, что удел всех наук – это бытие в сознании), а такая ось постоянно ускользает от сознания, так как мы не можем одновременно зафиксировать и синхронический, и диахронический срезы сознания. Таким образом, все науки, а также логика и метафизика являются лишь условиями бытия такой формы нашего сознания, когда желаемое выдается за действительное.

Человек – существо несовершенное; вернее, в том месте, где он может быть действительным и совершенным, он таковым не является; он не может, как боги, одновременно фиксировать оба среза бытия. Однако если ему (человеку) удастся порвать со своей привязанностью к разуму

(несовершенному, а точнее кажущемуся идеальным бытию сознания), то есть попасть в те области, о которых мы уже писали выше, т. е. в области «измененного состояния сознания», то там такая возможность появляется. Видимо, в этом же месте (топосе) обитает то, что мы называем душой. В этом случае и возможны, с одной стороны, трансляции (сдвиги) вокруг оси, но в этом же месте человек приобретает не разум, а мудрость – знание не временное, а абсолютное, то, которое присуще одновременно и синхронии, и диахронии, одинаково инвариантное относительно пространственно-временных и диахронно-синхронических трансляций. Такое знание поистине абсолютно и является истинным. Такой подход в целом подтверждает идеи А. Бадью о недостижимости истины, о провале и наличии зоны пустоты (ничто) в центре существования истины. А. Бадью заключает, что абсолютная истина не постижима, но всегда поддается просчитыванию как счетное множество. На подступах к истине работает математика, или искусство счета, однако логика при приближении к области пустоты истины приостанавливает свое искусство (мыслить логически). В этом смысле логика раскрывается как искусство улавливать общие принципы бытия множеств, улавливать общие закономерности. Мы видим, что и разум теперь выстраивается как последовательное искусство постижения пустоты истин посредством последовательно понимания-приближения к центру истины как раз в том месте, где пересекаются счетное (математическое), логическое и метафизическое «искусство» мыслить.

При достаточно полном проникновении в истину человеку кажется, что он овладел ей, а на самом деле – в этом месте проявляется лишь искусство слышать и фиксировать Другого, ибо только через зеркальное отражение в другом самого себя и возможна фиксация непостижимого (то, что в свое время услышал С. Франк), фиксация истины. На пересечении «топоса» и «топосов» Других и фиксируется диахронно-синхронический «топос». И чем больше этих мыслящих Других входит в считываемое множество, тем более точное приближение к истине возможно. Можно сказать и так, истина – это коллективный разум, или, на языке К.-Г. Юнга, коллективное бессознательное, которое высвобождает тот, кто наиболее глубоко смог проникнуть в такую коллективность, в глубины социума.

Итак, мы видим, что диахронно-синхроническое измерение позволяет нам понимать и фиксировать (считывать) степень истинности событий. И это измерение бытия именно человеческое, или, во всяком случае, тех, кто получил, согласно М. Хайдеггера, дар мыслить. Недаром немецкий философ пишет о наличии двух типов мышления – счетного (обсчитывающего) и онто-

логического (экзистенциального) [16]. С его точки зрения, только второй тип мышления позволяет получить дар от бытия, приблизиться к оси диахронно-синхронического измерения, приблизиться к истине.

В принципе, по сути, по тому же самому сценарию выстраивает М. Бахтин свою теорию хронотопа [1]. Он пытается эстетическим путем посредством «вмышления» (внедрения, углубления) в текст (в мысль другого) показать, что на определенных уровнях фиксации «романа» (и соответственно мышления) происходит сращивание пространственного и временного измерений. М. Бахтин, проведя поливалентный анализ смыслов текста, обнаружил, что смыслы рождаются в тех местах, где осуществляется сращивание временного и пространственного измерений, то есть в тех местах, где осуществляется феноменологическое (интенциональное) проявление сознания, когда накладываются пространственно-временные ограничения на сознание и мысль (так рождается текст). По мнению русского мыслителя, формирование смыслов осуществляется в том «топосе», который связан с хронотопом. «Пространственные и временные пути двух людей... пересеклись в одной точке, точке равно пространственной, как и временной», – пишет М. Бахтин [1, с. 281]. А поскольку таких путей много, «это общее ощущение реального времени в литературе раскрывается прежде всего в ... циклических и не циклических «временах»... в авантюрном..., биографическом, семейно-биографическом, идиллическом, бытовом и др. Каждое из этих времен имеет свои человеческие измерители (различные формы жизни, деятельности, борьбы, усилий и труда человека), свои «знаки» и «приметы», и каждое раскрывается в своих специфических хронотопах» [1, с. 291].

«Языковое сознание романа – многоязыковое сознание» [1, с. 561]. Тонкий психолог, психоаналитик и лингвист, М. Бахтин пытается ухватить границы сращивания мыслей и смыслов (в романе) и обнаруживает закономерности формирования смысловых «топосов», которые он объединяет одним словом «хронотоп». Хронотоп в его творчестве раскрывается как втягивание пространства в сюжетное развитие движения (по Аристотелю, «времени»), пространство как бы обволакивает время, а само время сгущается и уплотняется. «В результате периодических слияний и разрывов времени и пространства в каждом произведении образуется своя система частных хронотопов, являющимися организационными центрами, завязывающими и развязывающими сюжетные узлы», – пишет Л. А. Гогтишвили, обобщая сущность хронотопа в творчестве М. Бахтина [3, с. 308].

Но М. Бахтин пишет о романе, согласно нашей гипотезы, нечто похожее происходит со

всякой мыслью (с самим человеком), а точнее, с сознанием как смыслообразующим началом мысли. Для М. Бахтина роман – это полигон разворачивания смысловых коллизий. В данном исследовании роман – место (или «топос») напряженного всматривания автора в системы смыслов в процесс формирования мысли. Ведь автор как психоаналитик, порой находясь в безумном напряжении внутренних сил, как в горниле рождает мысль, раскаленную от накала страстей человеческих.

Там, где мысль начинает свое кружение над смыслами, рождается «то-пос» (место, кокон), способный преобразовать (даже разорвать) ее (мысли) собственное бытие. В этом разорванном диахронно-синхроническом «топосе», с одной стороны, согласно идей М. Хайдеггера, осуществляется «выхватывание» у бытия смыслов, с другой – согласно нашей гипотезы – может осуществиться сдвиг (трансляция, поворот) самого «топоса». Мысль (по версии А. Бадью), создавая колоссальную энергию, врывается в зону пустоты истины, раскалывает ее, и здесь происходит уплотнение (разрыв или сжатие) времени.

Нужно отметить, что опыты Н. Козырева с фокусированием энергии в зеркалах времени и его идея плотности времени дают те же самые результаты (хотя официальная наука все еще осторожно оценивает результаты его опытов, но она признает гениальность русского ученого). Вероятно (если доверять открытиям М. Бахтина и Н. Козырева), мысль, рефлексирующая над собой, уплотняет время, – это тот «опыт» над мыслью, который восточная культура проводит уже более двух тысяч лет и который получил название «медитация».

Еще раз подчеркну, если бы Бахтин оказался более близок к антропологии и перенес свое открытие (хронотоп) на самого человека (как тот «топос», который наделен сознанием, рождающим роман), то возможно эта гипотеза была бы развита им гораздо раньше. Бахтин не осмелился затронуть святая святых европейской традиции – могущество разума и хронотопичность приписал только сюжетной линии развития романа (узловой точке сгущения всех сюжетных пространственно-временных линий романа). Но этот эффект, согласно нашей гипотезе, свойственен и самому человеку. Недаром К. Леви-Строс, который фактически и создал новую (структурную) антропологию, учился форме нового мышления именно у М. Бахтина и у Р. Якобсона.

Реальный эффект хронотопичности мышления, примененный к самому человеку, может иметь гораздо более серьезные последствия, прежде всего для самого человека. Хронотопичность в поле реального мышления, под воздействием внутренних усилий человека, преобразуется в диахронно-синхронические трансляции. И это уже не пространственно-временные транс-

ляции, исследованные М. Бахтиным, это проворачивание мысли, способное изменить само бытие человека. Еще раз повторюсь, мы лишь пытаемся следовать за ходом психоаналитических и психических опытов над человеком, проводимых на протяжении XX в. (порой очевидных и отчетливых, а порой, по понятным причинам, утаиваемых и засекречиваемых). Сложность проблемы объемного видения мира (и языка) начинает пониматься, когда мы пытаемся посмотреть на закономерности, присутствующие многообразию взглядов на мир (и язык, а точнее языки). Дж. Мердок, исходя из принципа выделения закономерностей в мифе, создал «этнографический атлас»; Леви-Строс решил по аналогии выделить такие типы событий, о которых рассказывается в мифах (мифемы), закодировать их и ввести в компьютер с тем, чтобы компьютер читал миф не только по горизонтали (т. е. как его рассказывают), но и по вертикали, опознавая по разным событиям одну и ту же общую мифему [2, с. 437]. Фактически, Леви-Строс действовал по тому же принципу, что и современные физики, фиксируя «топос» стекания мифов в одну точку (настоящего) и пытаюсь взглянуть на него (и его историческое развитие),

исходя из различных событийных сфер, то есть из различных временных областей.

Человек устроен так, что строго зафиксировать переход между прошлым и настоящим, или настоящим и будущим он может только посредством преодоления разрыва между синхроническим и диахроническим состоянием своего бытия. Но для этого требуются значительные энергии. Согласно выдвигаемой гипотезы Соссюра-Хайдеггера-Леви-Строса, при появлении достаточных психических энергий может произойти трансляция синхронической и диахронической форм бытия. Энергия преодоления разрыва с осью трансляции может привести к значительным преобразованиям положения топоса человека в диахронно-синхроническом измерении. Возможны ли такие трансляции, надеюсь, покажет ближайшее будущее. Тогда же станет ясно, верна или нет выдвигаемая гипотеза.

Закончить же нам хотелось бы словами Ницше, Витгенштейна или Соссюра. Да, не будет находиться здесь тот, кто боится головокружения. О том, чего мы не можем сказать, нужно молчать. Очень многое нам, конечно, сказать не удалось, но что-то, возможно, и прояснилось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе / М. Бахтин // Собрание сочинений : в 6 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
2. Бутилов Н. А. Леви-Строс – этнограф и философ / Н. А. Бутилов // Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 422 – 466.
3. Гоготшвили Л. А. Хронотоп / Л. А. Гоготшвили // Новая философская энциклопедия в 4 т. / Руководители проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 307–308.
4. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М.: *Theatrum philosophicum*. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 10–440.
5. Иванов В. В. К. Леви-Строс и структурная теория этнографии / В. В. Иванов // Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 397 – 421.
6. Лакан Ж. Семинары в 26 т. / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Логос, 2002. – 608 с.
7. Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное / К. Леви-Строс. – М.: ИД «Флюид», 2006.
8. Леви-Строс К. Мифологии: От меда к пеплу / К. Леви-Строс. – М.: ИД «Флюид», 2007.
9. Леви-Строс К. Мифологии: Происхождение застольных обычаев / К. Леви-Строс. М.: ИД «Флюид», 2007.
10. Леви-Строс К. Мифологии: Человек голый / К. Леви-Строс. – М.: ИД «Флюид», 2007.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.
12. Леви-Строс К. Первісне мислення / К. Леви-Строс. – К.: УЦДК, 2000. – 324 с.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр. – М.: Логос, 1998. – 296 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб.: Наука, 2007. – С. 541–563.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.
16. Хайдеггер М. Что зовется мышлением / М. Хайдеггер. – М.: территория будущего, 2006. – 320 с.

REFERANCES:

1. *Bakhtin, M. Formy vremeni i khronotopa v romane (Forms of time and chronotope in the novel). Sbornie sochineniy : v 6 t. M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. V. 3. P. 340–511.*
2. *Butilov, N. A. Levi-Stros – etnograf i filosof (Levi-Strauss - anthropologist and philosopher). M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985. P. 422 – 466.*
3. *Gogotshvili, L. A. Khronotop (Chronotope). Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. M.: Mysl, 2010. V. 4. P. 307–308.*

4. Delez, Zh. Logika smysla (Logic of sense). M.: *Raritet, Yekaterinburg: Delovaya kniga*, 1998. P. 10–440.
5. Ivanov, V. Vp. K. Levi-Stros i strukturnaya teoriya etnografii (Levi-Strauss and structural theory, ethnography). M.: *Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury*, 1985. P. 397 – 421.
6. Lakan, Zh. Seminary : v 26 t. (Seminars: in 26 volumes). M.: *Gnozis; Logos*, 2002. 608 p.
7. Levi-Stros, K. Mifologiki: Syroe i prigotovlennoe (Mifologiki: Raw and cooked). M.: *ID «Flyuid»*, 2006.
8. Levi-Stros, K. Mifologiki: Ot meda k peplu (Mifologiki: From honey to ashes). M.: *ID «Flyuid»*, 2007.
9. Levi-Stros, K. Mifologiki: Proiskhozhdenie zastolnykh obychaev (Mifologiki: Origins prandial customs). M.: *ID «Flyuid»*, 2007.
10. Levi-Stros, K. Mifologiki: Chelovek golyy (Mifologiki: Naked man). M.: *ID «Flyuid»*, 2007.
11. Levi-Stros, K. Strukturnaya antropologiya (Structural Anthropology). M.: *Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury*, 1985.
12. Levi-Stros K. Pervisne myslennia (Pervisne myslene). K.: *UTsDK*, 2000. 324 p.
13. Sosyur, F. de. Kurs obshchey lingvistiki (Course in general linguistics). M.: *Logos*, 1998. 296 p.
14. Khaydegger, M. Vremya i bytie (Being and time). SPb.: *Nauka*, 2007. P. 541–563.
15. Khaydegger, M. Bytie i vremya (Being and time). SPb.: *Nauka*, 2006. 452 p.
16. Khaydegger, M. Chto zovetsya myshleniem (What is called thinking). M.: *territoriya budushchego*, 2006. 320 p.

Окорок Витор Брониславович – доктор философских наук, профессор
 Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара
 Адрес: 49010, г. Днепропетровск, просп. Гагарина, д. 72, 1-й корпус, ауд. 817
 Телефон: +38 (056) 374-98-71, E-mail: okorokov.victor@mail.ru

Okorokov Viktor Bronislavovich – doctor of philosophical sciences, Full Prof.
 The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university
 Address: 72, Gagarin Avenue, 1st building, room 817, Dnipropetrovsk, 49010
 Phone: +38 (056) 374-98-71, E-mail: okorokov.victor@mail.ru